

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1+929Селезнёв

КОНЦЕПЦИЯ НАРОДНОСТИ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ Ю. И. СЕЛЕЗНЁВА

А. М. Бойников

Тверской государственный университет
кафедра журналистики и новейшей русской литературы

В статье исследуется своеобразие концепции народности литературы, которая является важнейшей основой литературно-критической методологии Ю. И. Селезнёва. Особое внимание уделяется обоснованию мировоззренческой и практической актуальности данной концепции для критических оценок как общих тенденций развития, так и отдельных произведений современной русской литературы.

Ключевые слова: *народность, русская литература, человечность, патриотизм, Ю. И. Селезнёв*

Значительное место в литературно-критической методологии Юрия Ивановича Селезнёва (1939–1984), одного «из наиболее самобытных критиков» [5, с. 311] заняла проблема народности литературы, которой посвящена и его посмертная книга «Глазами народа» (1986) [9]. В аннотации к ней говорится: «Насыщенная острой полемикой, соединившая лучшие черты дара известного критика, книга эта представляет собой глубокое и страстное размышление о непреходящих традициях отечественного Слова» [9, с. 352].

Свои рассуждения о народности критик начинает в ней с разговора о «социальном и национальном идеале русской литературы, определившем природу её своеобразия, то есть её особость, отличительную от других, а вместе с тем и явившемся основой её национально-общественной, а ныне и всемирной значимости...» [9, с. 13]. Он выделяет такое свойство русской литературы, как человечность: «...подлинная *человечность* нашей литературы – качество столь очевидное и столь признанное, что не подлежит никакому сомнению» [9, с. 14]. Подчёркивая, что русская литература *человечна*, Ю. И. Селезнёв, тем не менее, пишет: «Ведь подвижничество требует не только любви к человеку, но и высокой требовательности к нему, именно беспощадности к его недостаткам» [9, с. 15], что справедливо по отношению не только к литературе, но и к литературной критике.

Важной представляется его мысль о том, что «всякое творческое созидание по природе своей *человечно* и в этом смысле, конечно, гуманистично и иным быть не может: человеконенавистничество никогда не было и не способно быть основанием созидания, но всегда лишь разрушения» [9, с. 23].

Для обоснования собственной точки зрения на сущность понятия «народность» Ю. И. Селезнёв на протяжении всей книги обращается к истории русской и зарубежной литературы и культуры, произведениям А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, идеям и мыслям Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, М. Горького и других писателей, философским работам А. Ф. Loseва, М. М. Бахтина, Д. С. Лихачёва, С. С. Аверинцева [9]. Он говорит также и о принципе партийности, но без этих упоминаний в то время никакая литературоведческая или критическая книга не могла появиться: «...принципы народности и партийности литературы и искусства утверждены в нашем сознании как категории, находящиеся в диалектической взаимосвязи» [9, с. 316].

Рассуждая о народности, критик эзоповым языком напомнил о её православной составляющей: «Вопрос о собственно религиозных и атеистических исканиях и борениях в русской литературе – особый и не входит в предмет рассмотрения нашей работы» [9, с. 93]. Вместо этого он говорит о борьбе на Руси «ортодоксального христианства и классического язычества» [9, с. 91]. Селезнёв подчёркивал, что речь идёт «о культуре сознания русской литературы, которая в основных своих проявлениях не стала ни церковнической, ни языческой. В конце концов оба эти сознания, в их чистом виде, оказались по существу за пределами собственно литературного развития, полностью перейдя из сферы культуры в широкое понимание в сферу культа» [9, с. 92].

Это утверждение – самое уязвимое место в концепции народности Ю. И. Селезнёва, которое отчасти может быть объяснено идеологическими требованиями времени и существовавшими тогда цензурными нормами. По мнению современных литературоведов, многие классики, а равно писатели второго и третьего ряда, воплощали в своём творчестве православное миропонимание (не всегда ортодоксальное): А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, С. Д. Дрожжин, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилёв, С. А. Есенин, И. С. Соколов-Микитов и др. [1; 2; 3; 4; 6]. Однако скажем ещё раз, что иначе в те годы Ю. И. Селезнёв поступить не мог, хотя сегодня отмечается, что «при разборе современных текстов критик активно (и непривычно для советской критики) обращался к духовным мотивам в произведениях русских классиков, к библейским сюжетам и образам» [5, с. 311]. Потому он и в книге «Глазами народа» отводит достаточно места «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона – публицистическому произведению ораторской прозы середины XI в. [9, с. 122–128], историко-мировоззренческая значимость которого заключена в следующем: «Иларион прославляет в Слове князя Владимира Святославича, приобщившего Русь к Благодати и тем самым поставившего “Великую Русскую землю”, известную “во всех концах мира”, в один ряд с христианскими государствами» [7, с. 154].

Ю. И. Селезнёв пишет: «Однако Илариона в “Слове” интересуют отнюдь не узкорелигиозные или клерикальные проблемы. В привычных для средневекового христианского мира образах Иларион утверждает в общественном сознании Древней Руси основы общегосударственного и общенародного мироотношения» [9, с. 123]. Главное для Ю. И. Селезнёва то, что Иларион «выступает в “Слове” отнюдь не с точки зрения “церковника”» [9, с. 125], а стоит «прежде всего на точке зрения человека-гражданина и патриота...» [9,

с. 126]. Таким способом критик пытался обойти цензуру и осмыслить роль этого литературного православного памятника в генезисе русской литературы.

Ю. И. Селезнёв также перечисляет имеющиеся взгляды на проблему народности: «Народность виделась и в обращении литературы и культуры к народным традициям, к воспроизведению форм и средств народного творчества, к использованию песен, сказок, легенд и т.д. <...> Толковалась категория народности и в смысле необходимости создавать произведения применительно к уровню народного разума, специально “для народа”... Требовали выводить в произведениях “представителей народа” – с особым складом ума, характера, речи... <...> Выявлять духовно-нравственные основы народного мироотношения и утверждать их как общенациональную или даже общечеловеческую ценность...» [9, с. 68]. Одновременно критик отмечал: «Очевидно, такого рода формы народности в целом или в каких-то сочетаниях характерны как для русской литературы, так и для любой другой. Но и столь же очевидно, что ни одна из этих форм сама по себе, ни их совокупность не способны определить особость того мироотношения, которое воплощено в русской литературе» [9, с. 68].

Ю. И. Селезнёв воспринимался многими как критик, «по-новому объяснявший понятия “демократизм” и “народность” в литературе. Народность литературного произведения, по Селезнёву, – это, прежде всего, проявление высокого писательского профессионализма» [5, с. 311].

Но не только это. Развитие гуманистического направления в мировой литературе претерпевало различные интерпретации (интерес к человеку, возвышение ценности человеческой личности и т.д.). В книге «Глазами народа» Ю. И. Селезнёв изложил свои взгляды на состояние классического гуманизма и определил характер его соотношения с человечностью: «Итак, можно ли считать гуманизм (без каких-либо существенных уточнений) воплощением идеи человечности? Очевидно, нет: гуманизм в строгом смысле слова – лишь одна из исторических форм человечности, но человечность не обязательно по своей природе исключительно гуманистична. Гуманизм и человечность (или то, что мы называем гуманностью) в этом смысле отнюдь не синонимы)» [9, с. 37].

Ближе по значению Ю. И. Селезнёву были понятия «человечность», «человеколюбие», которые он считал неоспоримым качеством русской литературы. Под человеколюбием критик понимал не только любовь к человеку, но и требовательность к нему, к его взаимодействию с окружающим миром. А задача авторов через литературу, посредством художественного слова, выразить свой индивидуальный взгляд на мир и человека: «В том-то и заключается национальное своеобразие русской литературы, что все её великие представители и творцы видели свою высшую заслугу и миссию не в том, чтобы выразить своё личное “я” и не в том, чтобы выдать своё слово за народный взгляд, но в том, чтобы действительно воплотить в своём слове общенародные чаяния, идеалы, устремления. Не случайно же и сам Пушкин называл себя “эхом русского народа”. Не гуманистическое “я” индивида определяет здесь всю иерархию ценностей, но общенародные представления, нашедшие своё высшее выражение через творческую личность, способную видеть мир и всё в мире “глазами всего народа”, а следовательно, и быть его же “устаами”» [9, с. 68–69]. В

этих словах заложены критерии критической оценки литературных произведений, актуальные и для современности.

Ю. И. Селезнёв доказывает, что именно народность определила собой природу и характер русской литературы, «признала в народе главную творческую создающую силу истории человечества» [9, с. 70]. Это определяющее её качество, полагал критик, «сложилось отнюдь не в XIX веке, в той или иной степени оно присуще ей на всём протяжении её исторического бытия...» [9, с. 71].

Другая проблема, поставленная Ю. И. Селезнёвым, такова: «Кстати, именно в непримиримости русской литературы к любым проявлениям эгоизма, в последовательном отрицании ею самоценной личности, противопоставляющей свои интересы интересам народа, нации, самоутверждающейся за их счёт – одна из важнейших причин того, что в отношении русской литературы часто употребляются понятия “жестокость” и “свирепость”» [9, с. 71–72]. Вместе с тем, он принципиально разграничивает личность и индивидуальность:

«Личность начинается не с самоутверждения, но – с самоотдачи, с самоотречения, с самопожертвования ради другого ... через такого рода отречения, через отказ от индивидуалистического, эгоцентрического “я” человек из индивидуума перерождается в личность» [9, с. 73]. И далее: «Русская литература, будучи действенной силой формирования нашего национального самосознания, утвердила в качестве “другого лица”, интересам которого могут и должны быть подчинены индивидуальные интересы, – народ и тем самым утвердила и народ как лицо (как бы соборную личность) и выработала же и новый тип индивидуальной человеческой личности, способной и готовой на самопожертвование во имя народа» [9, с. 73]. Продолжая эту мысль, критик утверждает, что в данном случае личность не умаляется, а возвышается: «... это было новое, небывалое возвышение её, уже не как индивида, самоутверждающегося в противопоставлении своего “я” – “массе”, но как выразителя дум и чаяний всего народа; это было подлинное открывание человека в человеке, реабилитация духовности, воскрешение человека, берущего на себя ответственность за судьбу своей страны и народа» [9, с. 73]. Сказанное в большей степени относится именно к личности писателя, реализующейся в его творчестве, и одновременно даёт критику методологический ключ к познанию и объективной интерпретации литературных произведений.

По-своему обосновывает критик идею всемирности русской литературы. «И, наконец, народность её, – подчёркивал Ю. И. Селезнёв, – отнюдь не утверждает идею центральности в системе общемировых ценностей именно как русского или какого бы то ни было другого народа (такой тип сознания определяется отнюдь не категорией “народность”, но противоположным ему понятием – “национализм”). Скорее уж идею народности можно выразить как утверждение необходимости для каждой национальной культуры видеть мир глазами своего народа» [9, с. 73–74].

Затем критик делает одно существенное замечание: «Но именно народа, а не той или иной личности или группы, выдающих свой взгляд за общенародный. Такое утверждение зиждется на убеждении в том, что между народами нет принципиальной антагонистической несовместимости в воззрениях на

мир, в их чаяниях и идеалах» [9, с. 74]. К сожалению, на фоне сегодняшних межнациональных и межконфессиональных конфликтов, стремления США к мировому господству, доктрины «золотого миллиарда» эта мысль Селезнёва выглядит, с одной стороны, несколько утопической, но с другой – воплощает идеал межнациональных отношений в планетарном масштабе.

Цель и задачи литературы Ю. И. Селезнёв видел «в достижении результата, намеченного проповедью, убеждением, высказыванием. И значимость, в том числе и художественная, того или иного произведения определялась и оценивалась прежде всего по степени достижения цели, преследуемой этим произведением. <...> Но главная задача литературы состояла всё-таки в ином – в подвиге личности или народа к духовному делу; к совести; к нравственному поступку, к движению души, чувства, воли, к прояснению сознания и т.д.» [9, с. 113–114]. Другими словами, он рассматривал литературу в качестве мощного средства воспитания нравственных качеств человека и катализатора его духовного развития.

В интересной форме выражено его понимание сущности литературы: «Действительно, русская литература не хотела согласиться на роль одного из чиновничьих ведомств административной машины государства, не могла позволить себе стать ни официальной, не имеющей никаких забот, мыслей, оценок и т. д., кроме предписанных ей государственными реляциями, ни литературой в узком смысле слова, то есть беллетристикой – художественным творчеством, предназначенным для приятного чтения в часы досуга. Не могла и не хотела, ибо по природе своей всегда была и должна была оставаться таковой, если надеялась быть русской литературой – *всем*: и государственной, и народной, и идеологической, и политической, и духовной, и нравственной, и эстетической силой общества. То есть – именно *всем*, и прежде всего выразителем и воспитателем общенародного самосознания, совестной мыслью общества и народа...» [9, с. 120].

С одной стороны, Ю. И. Селезнёв имеет здесь в виду русскую литературу XVIII–XIX вв. С другой стороны, мы думаем, что он ведёт скрытую полемику с разными точками зрения на литературу современную. В те годы существовала т.н. «официальная» литература, в которой «продолжал функционировать социалистический реализм» [8, с. 251]. А «литературная критика официоза создавала “неистребимые”, “нетленные” писательские репутации. Скажем, литераторов, оказавшихся в руководстве писательских Союзов СССР и РСФСР, можно было только хвалить, невзирая на уровень их произведений» [5, с. 308].

Мысль о народном самосознании Ю. И. Селезнёв тесно связывал с патриотизмом: «Народное самосознание требовало уже ответа на вопрос о месте и значении русского народа во всемирной истории, среди других народов, о началах русской государственности, истоках могущества и славы Русской земли, о путях исторического движения народа» [9, с. 128]. Приведём и его слова, которые как нельзя лучше передают сегодняшнее состояние духовной жизни России и указывают ей путь к выходу из исторического тупика:

«Именно *историзм* народного сознания, сложившийся уже в первый период развития русской литературы и в целом культуры, во многом предо-

пределил невозможность духовного порабощения русского народа даже и в условиях более чем двухвекового иноземного ига. Идеал этого сознания – историческое единство Русской земли, как единство отнюдь не только территориальное, но прежде всего как единство народа в его историческом движении по родной земле, этот идеал напоминал... о том, что рабство – не извечная черта русского народа, но лишь его временное нынешнее состояние, ибо и весь народ, как и отдельный человек – многосложен, знает и минуты подъёма физических и нравственных сил, взлёты духа и мысли, знает и минуты падения, отчаяния, сомнений. <...> Так и народ: были времена, когда отдельные славянские племена подпадали то под иго обров, то под хазарских каганов, но наступали иные эпохи... а Русь – всё жива. Переболеет и извергнет из себя недуг нового рабства и восстанет в новом единстве, в новой славе, обновлённая и могущественная, – вот чему учили русский народ в его подневольном состоянии уроки его исторической памяти» [9, с. 163].

Обращаясь к литературе начала XX в., критик (опять же в силу царивших тогда идеологических норм) вынужден был приводить такие оценки: «Отказ от классического наследия, ревизия народности – звенья единой цепи, связующей декаданс культуры с декадансом общественно-политической мысли, хрестоматийным воплощением которой и стала “энциклопедия либерального ренегатства” – сборник “Вехи”, появившийся в 1909 году...» [9, с. 298]. Но кризис культуры – явление объективное, он есть и сегодня. Опираясь на мысль Л. Н. Толстого, высказанную в его письме Н. Н. Страхову 3 марта 1872 г., «смерть с залогом возрождения в народности» [10, т. 18, с. 706], Ю. И. Селезнёв отмечал: «Да в какой-то мере мысль о возрождении в народности, идея исхода из грядущего кризиса культуры, а стало быть, и самой народности – это действительно идея необходимости и неизбежности возрождения пушкинских начал. Но – на новом этапе и в новом, принципиально новом качестве. Это была идея не возвращения вспять к Пушкину, но нового творческого взрыва, подвигающего культуру вперёд к Пушкину. И это не игра в парадоксы, как предпочитают думать иные наши учёные» [9, с. 300]. По Селезнёву, «давно безмолвствующий (как казалось) русский народ сказал вдруг миру своё новое слово. И этим словом было “золотое слово” Пушкина» [9, с. 243], а «путь народа к Пушкину – это путь его к познанию самого себя, путь долгий и до сих пор ещё не до конца пройденный» [9, с. 244].

Мы убеждены в том, что творческий кризис некоторых писателей, который они переживают сегодня, можно объяснить только отрывом от народа, незнанием его чаяний, идеалов, стремлений или нежеланием воплощать их в литературе, отрицанием реальной жизни, уходом в иллюзорный – вымышленный или виртуальный мир. Таким образом, концепция народности, разработанная Ю. И. Селезнёвым, в главном и основном по-прежнему не потеряла своей актуальности. Недаром он определял процесс обновления в современной ему литературе именно как «**в о з р о ж д е н и е в н а р о д н о с т и**» [9, с. 74] и делал особо сильный акцент на следующем положении:

«Идеалом и целью нашего общества, как известно, является *общенародное государство*. Способность и необходимость видеть и оценивать сегодня главные проблемы современности “глазами народа” – значит воплощать

этот идеал в жизнь. Работать на него, духовно, эстетически приближать его» [9, с. 347]. Несмотря на то, что в нынешнем российском обществе идеалы сменились, но поставленные критиком задачи перед литературой (и литературной критикой) остались прежними.

Итак, в понимании Ю. И. Селезнёва народность литературы включает в себя человечность, созидательность, воплощение общенародных идеалов, историческое мышление, воспитание духовности и нравственности людей. Только тогда литература будет государственной, народной, идеологической, политической, духовной, нравственной и эстетической силой общества. Ещё раз подчеркнём, что в определении «идеологическая» по отношению к литературе Ю. И. Селезнёв вкладывал совершенно иное мировоззренческое содержание, подразумевая её патриотизм, укрепление государственности и национальных начал русской жизни.

Ю. И. Селезнёв заканчивает свою книгу так: «Процесс творческого становления идеи народности в современной (начала 1980-х гг. – А. Б.) литературе продолжается, ищет формы и способы перехода в новое качество. Нужен срок и условия для такого перехода» [9, с. 348]. Таким образом, концепция народности, предложенная этим выдающимся русским критиком, остаётся открытой для дальнейшего развития и исследования – теперь уже на материале литературы начала XXI в.

Список литературы

1. Бойников, А. М. Поэзия Спиридона Дрожжина [Текст] : Монография / А. М. Бойников. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2005. – 228 с.
2. Васильева, Е. Н. Творчество И. С. Соколова-Микитова : новый взгляд [Текст] : учеб. пособие / Е. Н. Васильева. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2006. – 56 с.
3. Дунаев, М. М. Православие и русская литература [Текст] : учеб. пособие для духовных семинарий / М. М. Дунаев. – Сергиев Посад : Учебный комитет Русской Православной Церкви ; Московская духовная академия, 2009. – 511 с.
4. Зобнин, Ю. В. Н. Гумилёв – поэт православия [Текст] / Ю. В. Зобнин. – СПб. : СПбГУП, 2000. – 384 с.
5. История русской литературной критики [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. В. Прозоров, Е. Г. Елина, Е. Е. Захаров [и др.] ; под ред. В. В. Прозорова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2009. – 432 с.
6. Лебедев, Ю. В. Духовные истоки русской классики. Поэзия XIX века [Текст] : историко-литературные очерки / Ю. В. Лебедев. – М. : Классик Стиль, 2005. – 256 с.
7. Литература и культура Древней Руси [Текст] : Словарь-справочник / О. М. Анисимова, В. В. Кусков, М. П. Одесский [и др.] ; под ред. В. В. Кускова. – М. : Высшая школа, 1994. – 336 с.
8. Русская литература XX века [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений : в 2 т. / Л. П. Кременцов, Л. Ф. Алексева, Н. М. Малыги-

- на [и др.] ; под ред. Л. П. Кременцова. – М. : Издательский центр «Академия», 2002. – Т. 2 : 1940–1990-е годы. – 464 с.
9. Селезнёв, Ю. И. Глазами народа: Размышления о народности русской литературы [Текст] / Ю. И. Селезнёв. – М. : Современник, 1986. – 352 с.
10. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений [Текст] : в 22 т. : в 20 кн. / Л. Н. Толстой ; под ред. М. Б. Храпченко [и др.]. – М. : Художественная литература, 1978–1985. – Т. 18 : Письма, 1842–1881. – 1984. – 911 с.

THE CONCEPT OF NATIONALITY IN THE LITERARY-CRITICAL METHODOLOGY OF JU. I. SELEZNEV

A. M. Boynikov

Tver State University
Department of journalism and modern russian literature

The article examines the concept of ethnic identity of literature, which is the essential foundation for the literary-critical methodology of Ju. I. Seleznev. Particular attention is paid to the justification of ideological and practical relevance of this concept for a critical assessment of both general trends and individual works of modern Russian literature.

Keywords: *nationality, Russian literature, humanity, patriotism, Ju. I. Seleznev*

Об авторах:

БОЙНИКОВ Александр Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и новейшей русской литературы Тверского государственного университета, e-mail: zoil69@mail.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.